

The background of the cover is a painting. It depicts a man in a dark suit and white shirt, seen from the back, looking up at a bright light source in a blue sky. A woman with red hair and a white lace collar is also looking up, her face partially visible. There are some colorful, abstract shapes in the upper left corner.

АН · ВПЕРВЫЕ ·
РУССКОМ

УИЛЬЯМ САРОЯН

Мальчики
для девочек,
девочки
для мальчиков

PREMIUM

Азбука Premium

Уильям Сароян

**Мальчики для девочек,
девочки для мальчиков**

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Сароян У.

Мальчики для девочек, девочки для мальчиков /
У. Сароян — «Азбука-Аттикус», 1963 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-12099-0

Уильям Сароян – выдающийся классик американской и мировой литературы, соединивший в своем творчестве, полном юмора, жизнелюбия и житейской мудрости, традиции Чехова и Хемингуэя. За разнообразными человеческими недостатками своих героев он всегда видит светлое, доброе начало; мягкий юмор соседствует с горькой иронией, а внешняя неброскость – с чувством слова прирожденного сказителя. Роман «Мальчики для девочек, девочки для мальчиков» имеет под собой автобиографическую основу: в его героях без особого труда угадываются и сам Сароян, пытающийся преодолеть писательский кризис, и его жена, актриса Кэрол Маркус, воспитывающая их двух детей и тоскующая в Сан-Франциско по нью-йоркскому обществу, и Глория Вандербильт, и даже Чарли Чаплин... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12099-0

© Сароян У., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	25
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уильям Сароян

Мальчики для девочек, девочки для мальчиков

Tasol nambawan taim God i wokim ol samting, em i wokim man na meri. Orait.

(Gud Nius Mak i Raitim. – Евангелие от Марка на новопануасском, он же птичий английский.)

Тогда как во времена номер первые Бог слепил их зацело, прямо одним куском – мужчину и женщину. Так-то вот.

(То же самое в переводе с сарояно-американского, он же старохренский английский.)

В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их. Аминь.

(Святое благовествование от Марка, глава 10, стих 6, – примерно соответствует тексту Библии на языке короля Иакова, он же занудский школьный английский.)

© В. Бошняк, перевод, примечания, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

® Издательство АЗБУКА

* * *

Глава 1

Они сидели в гостиной, которую оба всей душой ненавидели, но каким-то образом одновременно и любили, – а куда денешься? Они – это муж и жена, в браке породившие двоих детей – сперва мальчика, потом девочку. День завершился, дети наконец-то спят или, во всяком случае, разложены по кроваткам, а они сидят, молчат и силятся придумать, что сказать, чтобы не сидеть совсем тупо, хотя говорить им не о чем, разве что устроить перепалку вроде тех, что случаются между ними частенько.

– Я тут, когда гуляла с дочкой, встретила жену Чарли, – говорит наконец женщина. – А ты, когда гулял с мальчиком, кого встречал?

– Никого не встречал. А кто это – жена Чарли?

– Как кто? Элен. А ты, можно подумать, не видел ни одной девушки?

– Одну видел, она стояла на углу, ждала трамвая.

– И как она? Вместо меня подошла бы?

– Ну, если на разок-другой – может быть, только давай не будем ссориться.

– Ага, не хочешь ссориться, а зачем тогда пялишься на каждую девицу и представляешь ее на моем месте?

– Привычка.

– Гадина какая-нибудь, и ты сам это знаешь.

– Да нет, на первый взгляд вроде нет. Такая прямо девочка-ромашка, взгляд чистый-лучистый, но со временем, конечно, запросто может и в гадину превратиться.

– Ты это к тому, что я в нее уже превратилась?

– Вот уж не знаю, в кого ты превратилась.

– Еще как знаешь.

– И в кого же?

– В добропорядочную жену, в хорошую мать, и я чертовски от всего этого устала, должна признаться.

– Так ты ж сама хотела! Впрочем, это и впрямь, наверное, утомляет. Но если примешь ванну и расслабишься (сейчас-то, вечером, слава богу, дети в ногах не путаются, верно?), глядишь, оно и не будет уже так утомительно.

– Да ну, я так устала, какая ванна! И голодна настолько, что даже есть, наверное, не смогу. Во всяком случае, то, что мы умеем сами приготовить.

– Ничего, примешь ванну, сможешь и поесть.

– А знаешь, чего бы мне на самом деле хотелось? Надеть лучшее платье и пойти куда-нибудь, где можно выпить рюмочку-другую и поужинать в приличной обстановке.

– Ну, это нам сейчас никак, но если ты примешь ванну и наденешь лучшее платье, я открою пару банок рагу из чили с мясом и фасолью. Когда выйдешь, у меня уже будет накрыто, а перед едой пропустим по две-три стопочки.

– Ну поедим, а потом что будем делать?

– Давай сначала поедим.

– Думаешь, потом идея сама придет?

– Думаю, должна. Давай-давай, иди в ванну, и без спешки, с толком, с расстановкой...

– А выйду такая над-ду-ушенная!..

– Да мне и без духов нравится, как от тебя после ванны пахнет, но если тебе – нет, то душись на здоровье. Лично мне нравится просто запах чистой кожи, которая дышит.

– Тогда душиться не буду, ладно... А вдруг от меня будет мылом пахнуть?

– А запах мыла мне тоже нравится.

– Если мальчик вылезет из кровати, дай ему шлепка.

– Ладно.

Он подошел к женщине и обнял ее. От нее пахло усталым грязноватым телом и страхом. Ее кожа задыхалась от пыли и пота, а дорогие духи, которыми она под вечер попрыскалась, делали этот запах только хуже.

– Стоп! Сейчас не целуй меня. Прибереги это на случай, если мы придумаем, что будем делать после ужина.

– Иди уже, мойся!

Женщина отправилась в ванную, и мужчина услышал, как она там напевает – тихонько и почти счастливо. Когда она легла в горячую воду, дверь спальни отворилась и оттуда вышел босой мальчик.

– А где мама?

– Принимает ванну.

– Я тоже хочу к маме в ванну.

– Тебе нельзя. Давай-ка поворачивай обратно и марш в кровать.

– Я пить хочу.

Отец открыл на кухне кран, дождался, когда струя пошла чистая и холодная, и набрал полный стакан воды, которую пятилетний малыш выпил всю и отдал пустой стакан. Вода всегда действовала на него убаюкивающе. И всякий раз он возвращал стакан с одним и тем же выражением лица – довольным и хитроватым, будто собирается подмигнуть.

– А ты почему не идешь в ванну?

– Я потом.

– А почему вы не моетесь вместе?

– Все, марш в кровать!

– Спокойной ночи.

– Давай-давай.

Он проводил мальчика до кровати; ложась, тот все еще хранил на лице хитровато-довольную мину, словно вот-вот подмигнет. Отойдя от него, отец перешел на другую сторону комнаты, чтобы бросить взгляд на спящую дочку, как раз высунувшую из-под одеяла голую попку. Ее голенькое двух с половиной летнее тельце было, пожалуй, самым красивым из всего, что он видел в жизни. Выходя из комнаты, он думал о том, что за мысли, интересно, посещают ее во сне.

Что за мысли посещают во сне его самого, он знал: на то, чтобы это выяснить, времени было вдоволь – как-никак тридцать девять лет уже прожил.

Он снова направился в кухню, достал две банки чили и принялся разглядывать этикетку в поисках инструкций, но тут решил сначала выпить – одну стопочку: надо ведь подготовиться к моменту, когда его девочка выведет свое драгоценное тело из ванной, и тогда, уже с ней за компанию, можно будет выпить еще.

Глава 2

Выпив, он подошел к двери ванной и говорит:

– Не пойми меня превратно, но мне, вообще-то, неплохо бы тоже помыться, да и мелкий наш тут интересовался: что это я не в ванне с тобой вместе, но ты не думай, это я просто так, без задней мысли.

– Ты ему дал шлепка?

– Да ну, зачем? Он пить хотел. Потом сразу рухнул и спит уже опять без задних ног. Ладно, бог с ним. Приму душ после чили. Не хочу портить тебе удовольствие.

– Ой, брось! Дверь не заперта. Входи.

Он вошел и увидел, что она уже стала куда невиннее и чище, и взгляд повеселел, тоже стал чистый-лучистый, а уж тело в ванне лежит такое – мечта любого мальчишки.

– Я только зубы почищу и побреюсь.

– Ты не потрешь мне спинку? А то мне самой не достать.

– Обязательно, только ты не спеши. Не надо пре вращать это в очередную обязаловку. А когда отдохнешь и помоешься, встань под душ и охладись.

– Фи, не хочу под душ.

– Душ хорошо смывает с кожи пот, грязь и мыло, а если пустить воду похолоднее, кожа обретает упругость и проявляет свой естественный цвет. После ванны всегда надо принимать душ.

– Ну, тогда ладно, о'кей. А я не слишком жирная, как ты думаешь?

– Ты вовсе не жирная.

– Нет жирная. – Она встала. – Ну вот же, здесь. И здесь выше, и тут, и тут, а вот тут?

– Это не жир. Это женственность. Совсем другое дело.

– А у нее как с женственностью – небось, не хуже, чем у меня?

– У кого?

– У той девицы, на которую ты пялился на остановке трамвая. У девочки-ромашки, стоявшей с невинным видом.

– А-а. – Прополоскав рот, он выплюнул воду, белую от зубной пасты. – Нет, у нее хуже.

– Ты это, наверное, нарочно, потому что всю уже думаешь о том, что собираешься делать после чили.

– Да нет, она была... ну, скажем, тощевата.

– Ой, ладно, ты просто подлизываешься, уже навоображал себе с три короба насчет того, что будет после ужина, потому что, когда ты вынашиваешь некоторые планы, у тебя даже тон каждый раз делается какой-то не такой.

– Какой не такой?

– Похотливый. И как ты ни стараешься убрать из него похоть, он все равно похотливый, к тому же, когда на тебя это находит, ты сразу делаешься такой хороший – как мертвый индеец. До такой степени, что из тебя хоть веревки вей, совсем дурачком становишься, причем в любой момент – стоит мне только взять вдруг и раздеться.

– А ты при этом дурочкой не становишься?

– Я не к тому, чтобы когда при посторонних или что-то в таком духе. Я насчет того, когда мы одни. А догадалась я об этом еще до нашей свадьбы, когда мы однажды пошли ночью купаться голыми в океане, а вода была жутко холодная и ты сказал, что мужчина в такой воде может себе яйца отморозить. Я думала, это потому, что мы еще не женаты, и специально потом, через пару месяцев после свадьбы, подстроила, чтобы снова пойти точно так же купаться. Хотелось с этим разобраться поточнее.

– Через пару месяцев после нашей свадьбы ты была уже беременна и подобные выходы были тебе противопоказаны медицински.

– Да ну, при чем тут медицина? Врачи в этом ничего не понимают. Кстати, в тот раз мне это нисколько не повредило, зато удалось выяснить, что тогда это было не потому, что мы еще не были женаты. А потому, что, стоит тебе увидеть голую женщину, ты сразу теряешь голову. Даже с риском себе что-нибудь отморозить все равно заводишься и дуреешь.

Причем не важно, моя это нагота или любой другой женщины.

– Может, все-таки важно? – Он начал бриться.

– Мало того! Тебя заводит тело вообще любой женщины, не обязательно даже двадцатилетней девушки: она может быть тридцати-, сорока- или пятидесятилетней. Бьюсь об заклад, что у тебя бывали связи с тетками за пятьдесят.

– Может, и бывали.

– С этими старыми кошелками! Тебе вообще все трын-трава, лишь бы женщина.

– Ну, только не интеллектуалка.

– Да ты и с ними путался за милую душу. И не спорь со мной, сам знаешь, что это так.

– Честно сказать, случалось. Но с ними мне хотя и случалось... случаться, но как-то так, без удовольствия.

– Сколько же ты их перепробовал! Помнишь, ты рассказывал про ту активистку из Коммунистической партии? Которая давала одетая кому угодно – ложилась, не раздевшись, и только в сторону отодвигала то, что мешает, а ее муж в это время внизу выпивал с гостями. Ты мне рассказывал, да еще и показывал на примере: мы еще не были тогда женаты, и я видела, как ты ушел с ней наверх, а когда через десять минут вернулся, я поняла, что ты ее трахнул, потому что она стала со мной так мила, так улыбалась, но как бы сверху вниз, а ты был прямо ну о-очень уж любезен с ее мужем. Неужто ты и тогда ее трахнул?

– И что?

– Надо же, даже одежду не снимала! Просто не успевала. У нее не хватало на это времени!

– Да времени-то хватало.

– Пускаться во все тяжкие, даже не снимая платья! Это что же за женщина такая? Конечно, разве она могла раздеться, когда через десять минут ей надо снова спускаться на первый этаж?

– Ну, не через десять. Может, через одиннадцать или двенадцать...

– Нет, ну что это за женщина такая! А о чем вы с ней говорили?

– О чем мы говорили? О России!

– Да ладно!

– Она рассказывала мне про свою поездку в Киев, а я про то, что видел в Харькове.

– А потом, значит, ты ей засадил.

– Ну, в общем, да, но она продолжала стрекотать про Киев с таким видом, будто только что победила в забеге на сотню ярдов.

– Засадил, и вы продолжали болтать как ни в чем не бывало, будто ничего особенного не происходит. Интересно, другие мужчины тоже так?

– Это уж тебя надо спросить.

– Ну ты же знаешь, что, кроме тебя, у меня никого не было. Ведь когда мы с тобой познакомились, я своей задницы от кротовой норы не отличала. А интересно, у нее и муж так же или он визжит и пищит, как иногда, бывает, хочется некоторым женщинам? Лично мне это как-то всегда неловко – вдруг ты будешь надо мной смеяться.

– Да ради бога, визжи и пиши в любой момент, когда захочешь. Я над тобой смеяться точно не буду. А насчет мужчин думаю, что всяк все делает по-своему, некоторые, должно быть, и визжат, и пищат, но вот насчет именно ее мужа я не знаю.

– А как бы тебе понравилось, если по ходу вечеринки я вдруг взяла бы, увела мужика наверх и дала ему?

– Но ты же не интеллектуалка!

– Тоже мне. Поговорить про Киев я не хуже ее могу. Но ты не ответил: как бы тебе такое понравилось?

– Я бы остановил тебя.

– Зачем? С чего бы это тебе меня останавливать?

– Затем, что тебе бы это не принесло ничего, кроме огорчения.

– Ну, это *ты* так думаешь. А я обязательно как-нибудь попробую. – К этому моменту она закончила намыливать тело и снова уселась в воду. – Ну, спинку мне потрешь?

Глава 3

Он принялся тереть ее мочалкой, а она говорит:

– А ты не хочешь ко мне сюда в ванну залезть?

Он тер довольно сильно, наблюдая, как ее гладкая розовая кожа становится красноватой.

– Не хочу портить тебе удовольствие. К тому же мне надо там еще чили приготовить, на стол накрыть...

– Вот ты опять хитришь и сам это знаешь. Что-то из того, что я сказала, отшибло у тебя все желание, и теперь ты пытаешься представить дело так, будто ничего такого у тебя и в мыслях не было.

– Не говори ерунды. Я помоюсь под душем после ужина. А ты, когда встанешь из ванны, прими душ и выходи – у меня там будет все уже накрыто. Все, чего я хотел, это почистить зубы и побриться.

– Все, чего ты хотел, это посмотреть на меня, потому что я голая женщина.

– Конечно, я люблю на тебя смотреть. Тереть-то хватит или еще?

– Давай-давай, три еще. Три и тут, и ниже, и везде. – Лежа в воде, она выпрямилась и ждала – где он будет ее тереть? Что ж, он потер и там, где она ожидала, а она не сводила с него глаз, следя за лицом и пытаясь угадать, о чем он при этом думает, а потом говорит: – А вот когда я была в Киеве, там один местный член партии в один прекрасный момент вдруг предложил мне посмотреть театр, построенный специально для детей, ставших сиротами во время революции.

– Да ну?

– Очень умный человек, кстати. Один из самых умных мужчин, которых я когда-либо встречала. Черноволосый такой, чернокожий, и эта штука у него тоже была очень черная, как я потом случайно подглядела.

– Да ну?

– Мы сразу пошли в тот театр, но он был, конечно, пуст, потому что времени было около часу ночи. Такой умный мужчина! Все, что он делал, было ради партии. Он просто жил ради партии. Жил только ради партии день и ночь. Мы устроили банкет прямо на сцене, которая вся была в нашем распоряжении, а мебель на ней изображала обстановку гостиной русского миллионера до революции.

– Замечательно. Теперь давай под душ, а потом неторопливо сохни и причесывайся. Волосы оставь прямыми и распущенными, не надо их поднимать наверх и укладывать хитрым образом под тем предлогом, будто это делает тебя особенно обольстительной.

– Не хочешь послушать еще про Киев?

– Не надо строить из себя интеллектуалку.

– Ты мне скажи лучше, что она-то – что она говорила тебе такого, гораздо более интересного, чем то, что рассказала я?

– Она делала особый упор на том, какая прекрасная жизнь настанет при коммунизме. И ни про каких черноволосых негроидных мужчин даже не упоминала. Я пойду займусь чили и напитками.

– А ты не хочешь рассказать мне что-нибудь про Харьков?

– В Харькове полно кретинов и зануд, так же как и в Сан-Франциско, да и в любом другом месте. Вставай давай под душ и включи холодную воду.

– А нам обязательно надо есть это рагу с перцем чили?

– А что?

– Да я что-то уже и не голодная. А ты?

– Ну, если ты не будешь, так и я не буду.

– Давай просто выпьем.

– О'кей. И не будем чересчур спешить.

– Это ты себе, главное, скажи.

Он вышел и налил себе еще стопку. Но не успел допить, как звякнул дверной звонок. Подумалось: «Если это кто-то из оборотов-приятелей, придется сказать ему, что я работаю и не могу сейчас отрываться».

Он отворил дверь, за ней оказался Чарли Флеш и его жена Элен.

– Привет, – сказала Элен. – Дейзи пригласила нас вечером зайти. Мы с ног сбились, пытаюсь нанять к детям на вечер няню, обзвонили их целую дюжину, но вот – мы тут как тут!

Гости вошли в переднюю, и он показал Чарли, ку да вешать пальто и шляпу. А ведь он просил ее – никогда, никогда не приглашать людей без его ведома, и что теперь? Как говорится, здрасте пожалуйста!

– Как поживаете? Присаживайтесь, я принесу сейчас выпить. У Дейзи нынче был тяжелый день, она в душе. Виски?

– О виски я мечтал сегодня весь вечер, – сказал Чарли. – Если я сперва дерну не разводя, а потом добавлю еще пару стопариков разбавленного, ваших запасов хватит?

– У нас много. А тебе, Элен?

– Спасибо, Дик, мне то же самое, но постойте, дайте я помогу вам со стаканами, или что там у вас.

– Не надо, сидите, сидите. Я сейчас, одну минутку. Хотите, можете радио включить. Или нет, пойдемте вместе, будем сами наливать себе, кто сколько хочет.

– А-а! – одобрительно крикнул Чарли. – Вот это правильно!

Проходя мимо двери ванной, Дик нарочито бодрим голосом воззвал:

– Дейзи, ты там как, слышишь меня?

Громко шумевший в ванной душ вдруг выключился, и из-за двери донесся ее голос:

– Ну что тебе? Хочешь что-то еще рассказать про Харьков?

– Нет. К нам пришли Элен и Чарли. Я накрываю на стол. Давай скорее выходи и присоединяйся.

Ее ответа ждать пришлось довольно долго, но, может быть, Элен и Чарли не заметили. В конце концов она вспомнила, что, встретив Элен, невзначай пригласила ее вечером зайти и тут же об этом совершенно забыла. Теперь в доме гости, сейчас начнут выпивать, и закончится это вряд ли раньше чем за полночь.

– Привет, Элен, привет, Чарли, – раздался ее голос из ванной. – Я сейчас, через минуту выйду.

Глава 4

– Ну что? Как пишется? Как вдохновение? – кинул затравку Чарли Флеш.

– Да я, можно сказать, с этим почти что завязал. Сами знаете, как нынче трудно с нянями для детишек. Нанимаешь очередную старушенцию, и сперва она просто чудо, а потом не успеешь глазом моргнуть – глядь, с ней проблем уже больше, чем с детьми, больше, чем с женой, да и вообще весь институт супружества рядом с ней утопает во мраке. Ты понимаешь, что ее надо уволить, но не делаешь этого, потому что не хочешь, чтобы вся черная работа свалилась на твои плечи, при этом жена все пилит тебя и пилит, каждую ночь в постели твердит о том, какая эта няня гадина, как она притворяется, что любит ваших детей, а сама ненавидит, как неуклонно она пытается привить им свое собственное представление о хороших манерах, как она вечно ставит им в пример своих внуков, которые, конечно же, замечательно умны, красивы, а поведения так просто идеального, как она исподтишка детишек шлепает, оправдывая это тем, что будто бы маленький мальчик сам это предложил, а потом ты наконец даешь ей отступного и посылаешь подальше, что как раз и произошло у нас три месяца назад. Ну и с тех пор мне, естественно, не пишется и нет никакого вдохновения. А как идет парикмахерский бизнес?

– Надо же, просто вот один к одному! – изумилась Элен. – Вплоть до того, что можно подумать, будто быть парикмахером и быть писателем – это одно и то же.

– Хватит чушь-то нести! – весело перебил ее Чарли. – Вот я пью сейчас, и мне хорошо. При этом я знаю, что быть парикмахером – это вовсе не то же самое, что быть писателем, но так уж каждому из нас выпало, и никуда тут не денешься. Я прав, Дик? Причем писателю – как раз потому, что это вовсе не все равно – быть парикмахером или быть писателем, – ему как раз и интересно сравнить свое видение с видением парикмахера или еще кого-то, кого угодно.

– За исключением разве что другого писателя, – уточнила Элен.

– Это не-ет, – посерьезнел Чарли. – С другими писателями Дик разговаривать не любит. Откуда я это знаю? А прочитал в одной из его книжек – в той, которую он подарил нам на Рождество. Верно, Дик? Там где-то про это есть. Как ты куда-то там приходишь и говоришь, что на писателей тебе насрать. Извини за выражение, Элен.

– Знаешь, ты или помалкивай, или следи за языком, – нахмурилась Элен. – То, что Дик не такой, как другие знаменитости, еще не повод строить из себя невесту что.

– Гос-споди, да сама и помалкивай! – обиделся Чарли. – Я же всего лишь цитирую Дика! Скажи, Дик? Раньше я думал, что писатели не пользуются словами, которые в ходу у парикмахеров, но теперь знаю, что ошибался. Теперь я знаю как минимум одного писателя, который пользуется в точности нашенскими словами. Это же Дик сказал, что ему насрать на писателей. Это же не мои, это же его слова!

– Ну хватит уже, сколько можно! – сказала Элен. – Одно дело, когда у Дика что-то написано в книжке, и совсем другое, когда ты это говоришь за столом. Наверняка он имел в виду что-то иное, возвышенное, чего тебе, может быть, даже и не понять.

– И что же ты имел в виду, Дик? – обескураженно осведомился Чарли.

Писатель рассмеялся, не переставая про себя на чем свет стоит клясть тот момент, когда Дейзи, гуляя с дочкой, умудрилась пригласить их в гости, и теперь они сидят тут, надувают щеки, как два комических персонажа из плохого кино, при этом оба немного даже чересчур ушиблены тем, что его имя совсем еще недавно частенько упоминалось в газетах; упоминание же имени в газетах – это для них признак избранности просто невообразимой, а потом говорит:

– Сказать по правде, насчет той моей репризы вы оба правы, но давайте поговорим о чем-нибудь более осмысленном. Элен, расскажи мне лучше про Рональда и Грету.

– А, ну они как всегда. Боже, что они иногда говорят, что выделяются! Сегодня Грета встала, например, после дневного сна и говорит: «Мама, а почему у женщин тут такие штуки? Ну, ты понял, что она имела в виду: то, что у нас сверху, а я, надо сказать, специально перечитала кучу всяких дурацких книжек, в которых про такие их вопросы как раз рассказано; ну, думаю, надо объяснить ей все доподлинно, как есть, а вспомнить ничего не могу, меня прямо что заколодило, и в результате я сказала ей, что это чтобы отличать, кто девочка, а кто мальчик, а она подумала-подумала да и говорит: ага, я девочка, а не мальчик, так почему же у меня тут ничего нет? И как заревет! Вроде как ей положено, а нету. Вот и читай после этого книжки.

– Могла бы сказать ей, что эти штуки даны девушкам затем, что они красивые, а еще затем, что парням нравится, когда они у девушек есть, что может быть проще? – сказал Чарли.

– Надо же, какой у нас папочка умный! Если бы я так сказала, она все равно заревела бы, потому что ей вынь да положь их *сейчас*! Чего бы я этим добилась? Счастья ей это бы не прибавило.

– А слабо́ сказать ей, что у девушек они затем, что парням нравится на них зырить и тискать руками. Слабо́, а?

– Ой, молчи не могу! И хватит уже пялиться на мои-то, а то уставился как баран на новые ворота.

– Это *ты* думаешь, что они твои, – усмехнулся Чарли. – А они мои, женщина ты неразумная. Ты просто ходишь, носишь их повсюду, а они все равно мои. И все остальное, что к ним прилагается, тоже. Ну разве я не прав, Дик? Само по себе то, что у меня парикмахерская на четыре кресла – вся, между прочим, чистая от долгов, – совершенно не обязательно должно значить, что я не могу иметь собственных философских взглядов, пусть и не шибко научных, ты ж понимаешь! С тех пор как я кончил школу, я много думал, времени на это не жалел и пришел к кое-каким интересным выводам. Может, некоторые из них и ошибочны, но если и так, то разве что слегка. Все же не зря я пятнадцать лет уже стригу клиентов, на цырлах вокруг них бегаю, и бывает, что за день ни разу даже не присяду. За это время я кое-что уяснил себе – причем сам, без всяких книжек! – и вот что я понял: главное в жизни знаете что? А вот как раз эти две штуковины. – Чарли довольно хохотнул. – Эти две и две с другой стороны, чуть пониже, да спереди еще теплая норка. И все это вместе собрано в аккуратненький такой подарочек, который день ото дня становится все лучше и даже больше, сколько ни убеждай себя в том, что все это фигня. Конечно, и детей этот подарочек приносит, и проблемы создает, да и денег на него уходит изрядно, ну и что? Оно того стоит!

Теперь уже и Элен радостно посмеивалась: больно уж ей понравилось то, что сказал о ней ее муж, и то, какое впечатление он этим произвел на писателя, – да и вообще, надо сказать, так смело и откровенно он раскрывается только тут, в доме у писателя и его жены.

– Ой, молчи не могу! – выговорила она сквозь смех и снова захихикала.

– Ты смотришь и понимаешь: это хорошо, – продолжал Чарли, стараясь контролировать свой голос, чтобы самому тоже не захихикать. – Потому что чертовски хорошо чувствуешь, как это тебя пробирает. Да-да, и тебя тоже, Элен! Примерно так, как это делал с тобой Кларк Гейбл, когда девчонкой ты сидела в кинозале в окружении полудюжины таких же восторженных сикалок-подружек.

– Эй! – воззвала вдруг из ванной Дейзи. – Меня-то подождите! А то сами веселятся, а я?

– Не волнуйся, – выкрикнул в ответ писатель. – Нашего веселья на всех хватит. Правда же, Чарли? У нас его еще много!

– Ой, *мын-ноого*! – подтвердил парикмахер.

– Давай-ка долью. – Писатель взял у гостя пустой стакан.

– Только чуть-чуть, много не надо. *Чу-чуть, чу-чуть*. А то я так резво начал, что долго, пожалуй, не продержусь.

Писатель встал, пошел наливать парикмахеру следующую порцию.

Глава 5

К тому времени, когда Дейзи вышла из спальни, где стоял ее туалетный столик со всякими цацками, гости уже распевали любимую песню парикмахера – про то, как Мэгги когда-то была девчонкой, но и тот старик, что взял ее в жены, тогда был тоже еще хоть куда. Дейзи сидела в полной боевой раскраске и празднично принаряженная: приняла меры, чтобы неожиданный приход парикмахера с женой не смог ей испортить вечер, пусть даже у них хватит дурасти просидеть до часу или до двух ночи. Она была неотразима и вполне это сознавала, ее муж тоже сознавал это, а парикмахер при ее появлении на секунду перестал петь и восхищенно присвистнул. Однако, свистнув, сразу снова продолжил пение. Элен и Дейзи приветствовали друг дружку, как это водится у девушек, соприкоснувшись щечками, после чего Дейзи говорит:

– Ну, так и что насчет меня, где мой стопарик?

– Сходи за ним сама, а? – сказал ей муж, пытаясь дать понять, что, полностью осознавая ее неотразимость, он не хочет, чтобы она чересчур задирала нос: и так ведь ясно, как он рад, что рядом с ним такая красotka – молодая, свежая и всегда радостно принимающая все их совместные начинания.

Она одарила его взглядом, исполненным наивности и простодушия, взглядом, который всегда означал одно: я – твоя, ты, главное, скажи, что надо делать, и все будет исполнено в лучшем виде, дай приказ, а дальше уж я сама; убедившись, что муж это сообщение прочел, она задрала нос и с видом гордым и неприступным пошла наливать себе выпивку. Гости продолжали петь. Когда ей вроде бы давно пора было уже вернуться, поскольку времени прошло достаточно, чтобы налить даже и в два стакана, муж намек понял и двинулся за ней, оставив парикмахера с женой увлеченно дискутировать о том, что бы еще такое спеть. Ага, вот она, стоит к нему спиной перед пустым стаканом, готовая наливать и смешивать, но стакан пуст. Он подошел к ней, обнял и крепко прижал к себе, а потом стал водить по ее телу руками, медленно и нежно. Она расстегнула молнию, чтобы ему не мешала ткань, но он застегнул ее со словами:

– Это же твои гости. Не надо их обижать.

После чего очень громко, чтобы его услышали в гостиной, говорит:

– Ишь какая! Она тут втихаря догнать нас решила. Давай-ка, Дейзи, пошли, мы тебя ждем.

– Да-да, – послышался голос Элен, – а то, хоть мы и выпили всего-то каждый по три, Чарли что-то уже поплыл.

– И не стыжусь! – в ответ ей с некоторым трудом выговорил Чарли. – Плыву и млею, и пускаю слюнки, и ты знаешь на что.

Мужчина налил жене в большой бокал, а когда она сделала глоток, вывернул ей голову чуть не задом наперед и приняв открытым ртом к ее губам; откуда ни возьмись сразу возник ее язык, выпрыгнул и втиснулся, попытавшись занять все пространство. Но мужчина отстранился, повернул ее к двери, и они вместе вышли в гостиную, где обнаружилось, что парикмахер с женой всюю целуются.

– Н-да, – проговорил парикмахер, вставая. – Мы, пожалуй, пойдем домой, если можно так выразиться.

– Ах, да сядь ты! – сказала Элен.

– Пожалуйста, как скажешь, – отвечал парикмахер, – но имей в виду, что если я выпью еще хоть стопку, то, добравшись до кровати, рухну, и все, и проку от меня не жди.

– Можно подумать, в первый раз, – сказала Элен с таким видом, будто говорит совершенно здравые, приемлемые вещи.

– Уж это точно, это даже к бабке не ходи! – гордо подтвердил парикмахер. – Но Дейзи! Хотя ты и сама, наверное, знаешь, что у тебя вид – прямо что-то с чем-то, мальчикам до шестнадцати не смотреть. Да ты и сама знаешь. Я прав, Дик?

– Ну, в принципе, это каждая женщина может, если ей предоставить ванну да налить туда горячей воды и сказать пару добрых слов плюс дать вдоволь времени на чистку перышек.

– Есть такое дело, – подтвердил парикмахер. – Все, что им для этого нужно, – это немножко мыла и несколько добрых слов. Я прямо тащусь от того, как просто этой женщине внушить, что у нее есть все тайные штучки, которыми обладает Бетти Грейбл, плюс кое-что свое, такое, чего даже у Бетти Грейбл нет.

– Ой, между прочим! – вступила Элен. – Я, между прочим, обожаю Бетти Грейбл и совершенно не страдаю какими-то иллюзиями насчет себя. Но я, между прочим, моложе мисс Грейбл, да и по части образования, между прочим, знаю, что у меня с этим получше, чем у нее.

– А еще что ты знаешь между прочим? – сказал парикмахер. – Она – о! – она еще много чего знает. Это у нее, видимо, от предков: такая семейка, что бог ты мой.

– Да, мои родители не богаты, – сказала Элен, – но всегда жили честно и в тюрьму не попадали.

– И очень набожные, правда же, а? Ну-ка, расскажи Дику и Дейзи про то, какие они набожные.

– Ну да, ходят в церковь каждое воскресенье, – подтвердила Элен, – и я не думаю, что это так уж вредно.

– Конечно-конечно! – закусил удила Чарли. – Вот расскажи нам про то, как они уже тридцать или сорок лет состоят верными членами конгрегации.

– Может, и больше, – сказала Элен. – Что ж тут такого? Они всегда были хорошими пресвитерианами.

– Она этим говорит знаете что? – сказал Чарли. – Она этим говорит, что ее родители хорошие, а мои плохие, потому что лютеране!

– Да нет же! – с жаром возразила Элен. – Я вовсе не имею в виду ничего подобного! Я, между прочим, очень уважаю лютеран, хотя, если честно, понятия не имею, во что они там верят.

– Они верят в то, что рожать детей есть первейшая обязанность всякой женатой пары, – сказал Чарли, – и я думаю, ты знаешь, почему они в это верят.

– Ну, верят... потому, что так сказано в Библии, – предположила Элен.

– Да черта лысого! – ухмыльнулся Чарли. – Они верят в это, потому что знают, что нужно делать, чтобы появлялись дети.

– Слушайте, – вдруг спохватилась Элен, – это он что, смеется надо мной или как? А, Дейзи?

– Ух, надоели!.. С этой вашей религией, – буркнул Чарли. – Я твоя религия, и без меня ты ничто. Вообще ничто.

– Зато ты без меня круче кучи, – не осталась в долгу Элен.

– Без тебя я просто парикмахер, – несколько сник ее муж, – зато уж с тобой... Ну, мы-то с тобой про это все знаем, правда, Зайчик?

– А как же. Мы-то знаем! – сказала Элен, пытаясь казаться трезвой и одновременно вовлечь в игру Дика и Дейзи. – Мы столько знаем – ух! Если то, что мы знаем, сложить в скорлупку от ореха, там еще хватит места для всех томов Британской энциклопедии.

Раздался телефонный звонок, хозяин снял трубку и минут на десять из общения с гостями выпал. За это время Дейзи с Элен успели сходить на кухню, чтобы наполнить бокалы – свои и Чарли, невзирая на его предупреждение, что, если ему нальют еще, он, как придет

домой, сразу рухнет и все сокровенные планы Элен... и так далее. Чарли все это время бродил по гостиной, разговаривая с самим собой и пытаясь не подслушивать телефонный разговор хозяина дома, но, конечно же, догадался, что звонят из Нью-Йорка по поводу пьесы. Когда переговоры закончились, все снова усадились в гостиной.

– Это Купер. Он вроде бы нашел для пьесы продюсера. Да нет, Элен, речь идет о *старой* пьесе. Которую мне пришлось вытащить из пыльного загашника, потому что Дейзи считает, что мы совсем бедные. Тебя, Чарли, Элен тоже заставляет делать подобные вещи?

– Меня-то? А, да, еще как! Сперва кресел у меня было два, и я неплохо зарабатывал, но она сказала, что нам этого мало, и я поставил еще одно, этого опять оказалось мало, и пришлось поставить четвертое. И что, думаешь, ее это удовлетворило? Черта с два! Теперь она хочет, чтобы я взял в аренду пустующий соседний магазин, снес разделяющую стенку и расширил парикмахерскую до восьми кресел. Она прямо как шило у меня в зад. Колет всю дорогу, тычет, подталкивает! А пьеса хорошая?

– На мой взгляд, полная лабуда, но Дейзи это без разницы. Она помешана на деньгах, вот в чем дело.

– И на мужчинах, – добавила Дейзи.

– Ей плевать, что так я могу загубить свое имя, ей деньги подавай.

– А как пьеса называется? – спросил парикмахер.

– Я хотел назвать ее «Идиоты», но Дейзи сказала, что на пьесу с таким названием никто не пойдет, и я изменил название на «Все против всех».

– А что, тоже хорошее название для пьесы, – одобрил парикмахер.

Он был уже в хорошем подпитии, но пытался держаться, и его речь становилась все более замедленной, а тон уверенным и серьезным. Чувствовалось, что подспудно он чем-то недоволен, как это бывает, когда вершина алкогольной эйфории пройдена и пьяный замечает, что силы быстро убывают и он вот-вот уснет тем одиноким сном мальчишки, который в некий праздник ждет чего-то невероятного, понимая при этом, что его мечты несбыточны.

– «Все против всех», – сказал парикмахер. – Это, что ли, про какую-нибудь драчку?

– Ну, в общем, да.

– Писатели не любят объяснять, про что на самом деле у них где-то написано, – сказала Элен.

– Да ну, Элен, какие глупости, – возразила Дейзи. – Дик очень любит поговорить о своем творчестве. Меня он просто с ума сводит, разглагольствуя об этом почти что непрерывно – утром, днем и вечером.

– Итак, значит, – вновь заговорил парикмахер, – это про какую-нибудь свалку в салуне или что-то вроде, когда все лупят всех, как бывало иногда и у нас, когда я служил в армии. Наша часть стояла тогда в маленьком городке, и туда явились моряки и попытались взять верх. Я правильно понял?

– Ну да, примерно так.

– Господи, – ностальгически проговорил парикмахер, – однажды мне там здорово навалили. Я уж думал, там и погибну – не на войне, а в этом салуне, – и единственное, что укрепило мой дух, так это то, что я знал: потом обо мне скажут, что я погиб как герой, и Элен все получит – и страховку, и все мои награды.

Что дальше говорила его жена и жена парикмахера, писатель слушал вполуха, а они продолжали болтать на темы, которые им ближе, – про детей, их нянь, про школы, про училки и прислугу, про цены в магазинах и тому подобное, а потом хозяин дома пошел на кухню налить себе еще, за ним увязался Чарли, и они оставались там до тех пор, пока парикмахер не начал проявлять тенденцию к тому, чтобы выпасть в осадок окончательно, и тут он говорит:

– Боже мой, Дик, ты даже не представляешь, как мне порой бывает жаль, что я не писатель, потому что я знаю столько всего, что из этого можно было бы скомстрять балдежную

книгу. Вот сесть бы да написать, вместо того чтобы корпеть в парикмахерской, пусть я и очень неплохо с этого имею. Бизнес у меня свой, за дом выплачено, Элен покупает шмотки в лучших магазинах Калифорнии – у нее есть платья даже от Маньина и Рэнсохоффа, по сотне долларов, прикинь? – кое-какие деньги у меня отложены и для детей... ну, то есть на образование, ты ж понимаешь, но я не об этом, я о том, что, если бы мне написать толковую книжку, не надо было бы скакать на цирлах в парикмахерской и всяких полудурков развлекать разговорами. Сидел бы с понтом за столом в кабинете, писал книжки...

Перешли в гостиную, где Чарли распорядился:

– Все, Зайка, старому папе пора в кровать. А тебе, Дейзи, – ну, и Дику, конечно, – мы очень благодарны за приглашение. Утром у меня будет дикое похмелье, но это того стоило. Давно так не смеялся. Может, и вы нас навестите – ну, скажем, в воскресенье вечером?

– Конечно, – отозвалась жена писателя с присущей ей простодушной непосредственностью.

– Мы постараемся, – сказал ее муж. – В пятницу Дейзи позвонит Элен, уточнит окончательно.

– О'кей, – подвел итог парикмахер. – Открою по такому случаю бутылочку виски «Блэк лейбл».

Через минуту они ушли, писатель хмыкнул и говорит:

– Все-таки не стоило бы тебе приглашать кого ни попадя, да еще и прямо так, с бухты-барахты, как это получилось сегодня. Ведь ты могла бы сказать: приходите, например, послезавтра, чтобы я мог как-нибудь из этого вывернуться, разве нет?

– Мне казалось, тебе понравилось, – сказала женщина.

– В принципе – да, но я умираю с голоду, пьян в стельку, от скуки совсем одурел, а вечер разбит напрочь, да еще ты тут такая сногшибательная красавица...

Женщина на это ничего не ответила. Выключила везде свет, оставив маленький внизу, а потом расстегнула молнию на платье и заулыбалась; мужчина тоже начал раздеваться.

– Посмотрим, каким ты у меня дурачком-то сейчас станешь, – сказала женщина, поставила руки и начала медленно пританцовывать. – Или не надо?

– Не надо.

– Ах ты, хитрюга какой!

– Нет, правда не надо.

– О'кей.

Мужчина немного понаблюдал за ней, потом говорит:

– Черт, от меня воняет. Я пошел в душ. А ты давай танцуй дальше.

– Да ну тебя.

– Ладно, тогда пошли поедим чили.

– Чили? Ты что, с ума сошел?

– Да нет, просто жрать хочу. Надо что-то закинуть в брюхо помимо виски.

– Ты в самом деле хочешь *есть*?

– Да просто чертовски!

– И что, мне снова одеваться?

– Я разве что-то говорил насчет этого?

Стоя в неглиже, он приосанился, втянул живот, чтобы стало не так заметно, как он выпирает. Женщина окинула его взглядом и усмехнулась.

– Нет, вы посмотрите на него! – проговорила она, улыбаясь и тыча в него пальцем. – Вы только посмотрите, он еще хочет есть! Боже, неужто другие мужчины тоже такие?

– Я бы все же съел немного чили. А ты потанцуй еще, пока я не ушел.

Женщина продолжала танцевать, посмеиваясь:

– Нет, надо же, гад какой, не дается, и все тут! Когда же я смогу из тебя вить веревки? Как из других мужчин.

– Никогда, – припечатал мужчина. – Ладно, я сейчас. Там, кстати, где-то была еще коробка крекеров.

Он зашел в ванную, а женщина принялась хлопотать на кухне.

Глава 6

Под душем ему было хорошо, внутри теснились улыбки, потому что она такое нечто в своем роде, такое почти что чудо, каким не бывала ни одна из всех его женщин, и, может быть, даже почти что больше, чем вообще бывает человеку жена – любая, какую ни выдумай, чья угодно, кого ни вспомни; и это притом, что временами она делается настоящим шилом в заднице – ну, то есть когда дети не спят и день еще не кончен, она еще не приняла ванну, а он не пропустил пару стопариков и вообще когда не все идет так гладко, как сегодня, а бывает это частенько, и частенько она к тому же очень не того, слишком не того, если уж она желает услышать о себе правду: частенько она бывает зануда и дрянь такая, что деваться некуда, ходит, нудит, пока не произойдет что-нибудь из того, что было, напри мер, сегодня, да еще и обманщица высшей марки, просто кто бы мог подумать, вдруг может сделаться такой отвратной, что он оказывается перед выбором – или ударить ее, или выскочить вон из дома и броситься чуть не бегом куда глаза глядят, разговаривая с самим собой и ненавидя ее, ненавидя ее дуру-мамашу, ее дуру-бабку, ее придурка-папашу и придурка-деда. Если бы не дети, он давно бы ее вышвырнул вон, сказал бы ей: вали-ка ты отсюда, и когда-нибудь это случится, он скажет ей: давай-ка, дуй туда, откуда пришла, и оставь меня наконец в покое. Ах, если бы не маленькая дочка с ее голенькой попкой, выставленной из-под одеяла в кровати! При одном взгляде на эту дочкину попку у него внутри все ликует, а ее задумчивое личико вызывает в нем любовь даже большую, чем та, что он испытывает к мальчугану, так что если бы не это, он давно бы уже послал их мать куда подальше, сказал бы ей: давай выходи замуж за того, кого ты достойна, а меня оставь, потому что со мной у тебя нет ничего общего, вообще ни грамма, ты просто села на меня и поехала, обкрутив ложью и мерзостью, которую приходится про себя еще и как-то оправдывать, придавая ей смысл и ценность, которой нет в помине, и приходится терпеть просто потому, что ты умудрилась все это ловко со мной проделать и теперь у нас двое детей. Ах, если бы не мальчуган с этой его манерой, когда всем доволен, смотреть с таким видом, будто он тебе подмигивает, – мол, пусть жизнь и абсурдна, но ведь хороша, скажи? Конечно, ему она хороша, у него есть папа, чтобы о нем заботиться, и мама, чтобы приятно пахнуть и обнимать, прижавшись мягким телом, и у него есть маленькая сестренка, чтобы заботиться о ней, как папа о маме, – сносить ее глупость, эгоизм и невоспитанность, наделяя ее чем-то вроде роли его маленькой невесты, не обращать внимания, когда она тянет к себе его игрушки, выслушивать ее жалобы и позволять ей, когда что-то ее огорчает, искать у него утешения... Если бы не то, с каким жаром мальчуган стремится сблизить их, соединить всех вместе, как он этого всячески добивается, мужчина бы давно уже послал ее подальше, – мол, ну-ка, дорогая, попробуй-ка сама сделать себе имя, и даже интересно, что за поприще ты изберешь: будешь ходить взад-вперед по панели? делаешься девочкой по вызову? а то, может, еще и в кино станешь знаменитой, переублажав для этого кучу жирных стариков: они ведь любят продвигать молоденьких девчонок! Все было бы совсем по-другому, если бы не дети, но тут она, конечно, молодец, она большой молодец в любом случае, и, несмотря ни на что, вот все равно же у него внутри теснятся и просятся наружу улыбки, хотя он ничегошеньки не забыл и знает о ней всю правду – и о ней, и о себе самом тоже, знает всю гадостную правду о них обоих.

Стол был уже накрыт, рагу из банок переложено в тарелки. Эти тарелки он купил для чили специально: больно уж ему нравится это блюдо, тем более что с ним так просто – в любой момент открой банку и ешь, однако есть его надо все равно из тарелки, как когда-то в давние времена, когда были специальные такие заведения, где чили подавали в тарелках, с красным жирным соусом, в который, прежде чем есть, он крошил крекеры, сразу с полдюжины. Рагу из чили он обожал с детства, вернее, с тех времен, когда ему было тринадцать,

и до восемнадцати, да и после этого лакомился им довольно часто – да просто каждый раз, когда попадалось соответствующее заведение, а потом он по этому блюду много лет скучал, но вдруг оно появилось в консервных банках и – ура! – вернулось со всей своей фасолью, окислизлыми мясными кусочками и густым красноватым жирным соусом.

Теперь на ней был персиковый пеньюар, такой тонкий, что сквозь него все было видно, она смотрела печально, как маленькая девочка, которую одолевают грустные мысли (что-нибудь насчет того, как странно устроена жизнь), так что он уже знал, что сейчас воспоследует.

– Ты меня любишь, Дик?

Вот-вот, *я так и думал*, началось.

Он принялся за чили.

– Вон там спят дети, двое. Мы женаты уже шесть лет. И год еще жили до свадьбы.

– Да, но ты меня любишь?

– О'кей, люблю.

– Врешь, небось.

– Вру, конечно.

– Ну а почему ты меня *не* любишь?

– Ты пристаешь ко мне с этой темой чуть не каждый вечер в течение семи лет. Я тебе все про это уже рассказал. Хочешь, чтобы я врал, – пожалуйста, буду врать, если тебе это приятнее. Хочешь, чтобы я говорил правду, и на этом настаиваешь – получишь правду. Спасибо за чили. Может, заодно и сама поешь?

Женщина принялась за еду. Она уже не притворялась, не актерствовала и была совершенно серьезна, так что ему вовсе не хотелось обижать ее, но вопросы, с которыми она приставала, принадлежат к числу тех, отвечать на которые надо честно, а это значит, что пусть он даже и не хочет обижать ее, но она ведь поймет, когда он говорит неправду, и ей это не понравится. Она хочет, чтобы ложь была правдой, вот в чем беда.

– Как ты думаешь, почему настоящая любовь в реальности невозможна?

– Не знаю. Хотя это, несомненно, одна из тех вещей, которые мужчина должен для себя выяснить. Но ты пойми, что, когда ты спрашиваешь кого-то, любит он тебя или нет, тем самым ты делаешь его любовь к тебе невозможной. Сам твой дурацкий вопрос это делает. Но это вовсе не значит, что кто-то не может кого-то иногда действительно любить. Может, и очень даже по-настоящему, но утверждать это, отвечая на заданный вот так вот вдруг вопрос, он не может. Потому что при таком раскладе любой его ответ будет представлять собой либо ложь, либо бессмыслицу.

– Ты сказал *иногда*? А *когда* ты меня любишь?

– Когда ты на какое-то время умолкаешь. Когда мне начинает казаться, что в твоей головке происходит нечто такое, что делает тебя изнутри такой тихой и правдивой девочкой. Может быть, даже красивой. Не исключено, что ничего подобного в действительности там не происходит, но я начинаю любить тебя, даже когда просто нет признаков того, что это не так. При этом я люблю тебя по-настоящему. Нежно и искренне. И чуть не напрочь забываю о твоём теле, сколько бы ни было в нем для меня соблазна. В такие моменты я люблю тебя совершенно по-настоящему.

– Ну, все-таки мне не хотелось бы, чтобы ты совсем забывал о моем теле.

– Да я тоже, в общем-то, не хочу о нем забывать, но когда ты умолкаешь и принимаешься тихонько заниматься детьми, по ходу дела успокаиваясь и думая о вещах, отличающихся от тех, про которые ты думаешь обычно, я в такие минуты начинаю любить тебя по-настоящему. А еще я люблю тебя, когда ты плачешь. Нет, правда-правда! Это единственное на свете, чем ты и впрямь можешь из меня веревки вить, потому что, когда ты плачешь, ты становишься похожа на всех сразу плачущих девчонок – глупеньких, маленьких и несчаст-

ных. Христом Богом клянусь, когда ты плачешь, у меня просто сердце разрывается. Я никогда не видел, чтобы кто-то плакал на тебя похоже, даже дети, кроме разве что наших – они да, они оба плачут точно как ты.

– Что ж, буду все время плакать. Начну прямо сейчас, не успев доесть это ужасное рагу.

– Давай. Но не думай, будто я не принимаю во внимание тот факт, что по хитрости своей неизбывной ты можешь затевать это в любой удобный для тебя момент. Но даже и так, даже и при этом то, как ты плачешь, надрыгает мне сердце и заставляет любить тебя, заставляет хотеть защищать тебя и заботиться о тебе.

– Что ж, это уже нечто в любом случае. А ты не хочешь доесть мое чили?

– Ешь сама. У тебя же с ланча во рту маковой росинки не было. Боже, уже скоро два, а в шесть дети проснутся и начнут ходить на головах.

– А ты не обращай на них внимания. Я же говорила тебе: не обращай внимания или дай шлепка и гони обратно в постель.

– Вот ты какая у нас умница! Попробуй-ка не обрати на них внимания. Их надо умыть, одеть, накормить завтраком и выпустить во двор, где только и начнется их настоящая жизнь.

– Нет, эта гадость в меня больше не лезет. Доедай сам. Не понимаю, как ты можешь с таким удовольствием есть подобную дрянь.

Она придвинула к нему через стол свою тарелку, и он заговорил вновь, только когда доел все, что в ней было.

– Нормальная, здоровая пища. Особенно теперь, когда она доступна в виде консервов. А пиво у нас есть?

Женщина вынула из холодильника банку пива, и, пока проходила мимо, муж шлепнул ее по задку, чтобы знала: он все еще думает о ней, она все еще для него желанна. Она налила пива в стакан, потом говорит:

– Слушай, поздно уже.

– Молчи.

– Нет, правда, уже очень поздно. Ты не думай, я очень благодарна тебе за то, что ты даешь мне утром поспать до тех пор, пока дети не уйдут во двор. Я просто физически не способна вставать по утрам. Так что ложись, тебе надо ловить каждое мгновение сна.

Мужчина встал, допил пиво и вошел в темную гостиную.

– Ты лучше молчи. И иди сюда.

– Нет. Идем в спальню.

– Зачем?

– У меня там все приготовлено. Там уютно и чистенько.

– О'кей.

– А ты мне расскажешь про Харьков?

– Конечно.

– Про все-все, что ты там делал?

– Конечно.

– Хочу все поминутно. Все Расскажи мне, все-все!

Глава 7

Когда удовольствие слишком близко, думал он, причем такое, по которому человек томится и жаждет его душой, сердцем и телом, когда он слишком близок к удовлетворению этой его великой и грубой алчбы, подобия которой он не испытывал никогда в жизни, – ни желания, равного по силе, ни улады, сравнимой по блаженству, – в общем, когда такое с человеком происходит, счастье отцовства становится еще важнее, а счастье творчества отступает на второй план, хотя и работа на месте, и искусство никуда не девается, и острота неутоленной потребности присутствует... Или это все слова? – слова, слова, но когда она рядом, с этими ее глазами, волосами, губами и телесной влагой, слова напрасны, слова смолкают.

– Я делаю это ради детей, – сказал он.

– Ну ты и гад. А я – ради тебя.

– Ты это делаешь для себя, я для себя, и давай, черт возьми, прекратим лгать самим себе.

– Это не моя вина, что мне приходится лгать.

– А чья это вина?

– Джонни. Все началось с него.

Что ж, может, и впрямь во всем виноват их спящий мальчик, ведь не появившись на свет Джонни, было бы совсем другое дело; а теперь что ж... вырастет еще один мрачный брюнет, темный, как тот день, когда он родился, и темнеющий с каждым днем, хотя кожа у него светлая и в глазах свет; правда, светлые они не цветом, цветом они как раз темные, а светлые тем, что в них свет, свет в точности такой же, как у матери, этой светленькой плачущей девочки, маленькой девочки, которая топает ножками, тре буя любви, требуя господства над своим собственным куском пространства, чтобы не болтаться неприкаянно где ни попадя, а быть всем на свете для одного мужчины, – вот каков был огонь, от которого в нем зажегся свет, свет плачущей девочки, которая уже не плачет, а удовлетворенно про себя думает: «Вот. У меня вышло. Поплакала и все получила».

– Ну, может, пора уже рассказывать про Харьков?

– Слово «Харьков», когда его правильно произносишь, похоже на харканье, которым прочищают горло, но некоторые говорят «А-аркив».

– Как интересно!

– По-нашему «харк» звучит красиво, харк – ларк, рифмуется с жаворонком. А по-русски это вроде места проживания хорьков.

– Харьк, хряк, хрюк. Какое-то даже хрюканье получается, правда?

– Есть немного.

– Все из-за него. Когда он вопрется сюда рано утром, дай ему шлепка. Но что бы я теперь делала, если бы не он? Признайся, ведь ты не можешь сейчас сказать, что не любишь меня?

– Нет, не могу.

Глава 8

Им было слышно, как по улице мчит трамвай, со звоном и громом несется вниз, к океану, причем, скорее всего, пустой, потому что откуда в такой час взяться пассажирам? Наверняка на весь вагон один-единственный какой-нибудь пьяница или старуха, ездившая на ту сторону залива в Беркли навестить замужнюю дочку; кондуктор сидит впереди, рядом с вагоновожатым, оба курят сигареты и болтают, перекрикивая лязг и скрежет.

– Давай мы здесь вот так подоткнем, чтобы было как у девочки-малолетки, да?

– Ну давай. Поглядим, что получится.

– Но ты пока не смотри, я скажу, когда буду готова, ладно?

– Ладно.

Вот из таких дурацких игрищ, думал мужчина, и получается прирост населения планеты.

– Готова!

Он обернулся к ней и увидел, что она лежит действительно точь-в-точь как маленькая девочка, как их спящая маленькая дочка, она удивительно точно изобразила, как девочка лежит, выставив из-под одеяла попку; на сей раз попа, правда, женская, широкая и толстая, да и цветом блее, чем у маленькой девочки, зато лицо в обрамлении этих подоткнутых волос совершенно девчоночье: та же невинность, то же выражение задумчивости, но тут она открыла глаза и стала одновременно и матерью, и ее маленькой дочкой, а глазки-то взрослые, все понимающие, бесстыжие и развратные.

– Ну как, вкусно?

– Да.

– Не хуже сливочного мороженого?

– Лучше.

– А правда то, что говорят о японцах?

– Насчет японцев это была пропаганда, ее запускали специально, чтобы солдаты их ненавидели.

– Я не про войну. Я про их удивительную изобретательность в этом деле.

– Да я понял, понял.

– Разве не удивительно, что японцы к этому подходят так серьезно?

– Ты имеешь в виду их страсть к экспериментам?

– Ты это о чем?

– Об экспериментах.

– Так я и говорю: разве это не удивительно?

– Не знаю.

– А ты был когда-нибудь в постели с японкой?

– Да, но ей приходилось притворяться китайкой, потому что это было во время войны.

– Ну и как? То, что о них говорят, все правда?

– Да она-то сама была местная, родилась в Калифорнии, а я с ней был один раз и ни о чем таком не спрашивал.

– Да я же не о том, чтобы ты ее о чем-нибудь спрашивал. Нет, вы посмотрите на него! – усмехнулась она. – Ну, ты от этого прямо дурачком становишься. – Смеясь, она выгнулась, приподняв зад. – Если тебе так уж хочется, если тебе непременно надо это дело повторить, давай, вперед! Я могу сколь ко хочешь.

– Не надо вкладывать мне в голову свои желания.

– На твою голову я даже не смотрю. Голова дана тебе для твоего искусства, а мне до него нет никакого дела. Я это к тому, что если тебе надо еще, так пожалуйста, кто тебе мешает, делай все, что хочется.

– Мне хочется почитать.

– Что-то по тебе не скажешь, что тебе хочется читать. – Посмеиваясь и наблюдая за ним, глядя ему в глаза, она принялась медленно вращать большим и круглым белым задом.

Он встал, улыбаясь тому удивлению, которое она в нем вызывает. Надо же, ведь она все еще совершенно его не знает! Он стоял и смотрел, как она медленно вращает задом, глазами выжидательно следя за ним. Ей хотелось, чтобы все было славным и гладким, хотелось, угадав его мысли, понять, что делать, как себя вести, и тут она почувствовала внезапный ожог от удара его ладони. Она вскрикнула, вновь почувствовала ожог, снова вскрикнула, засмеялась, вскочила на ноги и кинулась бежать. Он поймал ее, она снова почувствовала ожог от его удара, на этот раз более сильного. Еще раз и еще, он бил, она смеялась, обзывала его по всякому, а он продолжал ее шлепать, пока она не взмолилась, мол, перестань, а потом заплакала, сжавшись и пытаясь спрятаться, обиженная и жалкая. Он закурил сигарету и спросил, не слишком ли это было неожиданно.

– Ты гад. Подлый обманщик, я думала, ты меня приласкаешь. А ты мне сделал больно, ты избил меня. Ты так избил меня, что я больше не забеременею, потому что ты бил меня даже по тому месту, которым беременеют, ты подлый гад, у тебя больше не будет от меня детей, я думала, ты хочешь поиграть, думала, ты будешь ласкать меня, – ну, один раз еще ладно, ну два, но потом ты меня просто бил, подлый ты гад!

– Успокойся. Ты так разбудишь детей.

– Не хочу больше с тобой разговаривать.

Теперь она была просто зла, она уже не плакала, а просто злилась, потому что он сорвал игру, которая обещала быть такой чудесной. И как не злиться, ведь она с таким удовольствием наблюдала за тем, как он выставляет себя во все более глупом виде, а он все испортил – и сделал это нарочно, чтобы выставить в глупом виде ее.

– И даже не подходи ко мне.

Никакой игривости в ее голосе больше не было. Она была в бешенстве и с каждой секундой разъярялась все больше.

– Вообще больше ко мне не подходи. Я тоже могу быть как другие жены, вот увидишь.

– Заткнись.

– И не смей говорить мне «заткнись».

– Заткнись.

Женщина снова заплакала, на сей раз превратившись в большую, красивую плачущую девочку, плачущую точно так же, как тогда в Нью-Йорке, когда он выгнал ее, велел ей идти домой и больше у него не появляться, – он ей тогда сказал, что должен работать, а ты иди, мол, возвращайся к своим мальчикам, которым работать не надо, и она ушла, но через час, когда он вышел из дому на прогулку и за свежими газетами, смотрит, а она сидит на мраморной скамейке у двери подъезда, плачет и рыдает – глаза красные, лицо все красное, изо рта и носа течет, и он подумал: вдруг я все неправильно истолковал? Вдруг эта девочка гораздо лучше, чем кажется? Все же глупо – взять вот так, не разобравшись, ничего о человеке толком не зная, поставить на нем крест.

– Сейчас, – всхлипывала она, – я только посижу минутку и пойду.

– Ты почему плачешь?

– Не знаю. Не знаю, только мне жаль, что ты ну ничего, ну ничегошеньки не понимаешь.

Вдруг я не прав? – подумал он. Я себя вел с ней так, как, мне казалось, она того заслуживает, то есть как со шлюхой. Но вдруг я и впрямь не прав?

– Ладно, пошли в дом, хотя бы умоешься. Потом я провожу тебя до дому, если ты хочешь домой.

– Я не хочу домой, – хныкала она. – Я домой больше вообще не пойду. Буду сидеть здесь всю оставшуюся жизнь.

– Эта квартира стоит двадцать пять долларов в день. Через несколько дней я отсюда съезжаю, потому что меня забирают в армию.

– И я с тобой! – хныкала она, причем вовсе не для того, чтобы вызвать у него улыбку: просто ей было плохо; прежде она даже не представляла, что ей может быть так плохо.

Он вполне допускал, что ей может быть плохо оттого, что он ее достал, как достала его она, но теперь... теперь, когда он стал свидетелем этого несусветного, невероятного плача, которому невозможно не верить, он оказался полностью сбит с толку: ведь она так плачет, так горестно, неостановимо, даже холодной водой в лицо этот ее плач не унять. Что, черт возьми, происходит? О чем это она?

И почему ей надо плакать на груди именно у него? Все, чего он хотел, – это просто немного развлечься, провести ночь с компанейской телкой, которая симпатичнее и моложе других, и о чем же тут так рыдать и плакать?

Теперь, через семь лет в Сан-Франциско, она опять плачет точно так же, потому что посреди их забав он обманул ее, сломал тот ход игры, который был ей понятен, и этим вновь вызвал тот же плач.

– Ну хватит уже реветь, – сказал он.

Но женщина остановиться не могла, она вошла в состояние, которым не управляла, но и он над этим ее состоянием был не властен, однако именно эта ее способность к такому искреннему плачу как раз и держала их вместе, как это ни печально. Он лег в кровать с нею рядом и заключил ее в объятия.

– Ты мерзкий гад, – хныкала она, быстренько тоже сжав его в объятиях и для верности обхватив заодно и ногами. – Господи, как я одинока, но ведь и ты, ты же ведь тоже! А там, в соседней комнате, наши дети, и мы все... господи, как мы все одиноки! Боже, какой все это кошмар.

– Слушай, ну для разнообразия, замолкла бы хоть ненадолго, а?

Глава 9

Проснувшись, он осознал, что над ним стоит маленький мальчик. Мальчик стоял над ним уже минуту или две. Даже во сне он чувствовал, когда приходит мальчик, хотя тот никогда ничего при этом не делал и ничего не говорил. Просто стоял, а потом отец открывал глаза и вставал. Вот и сейчас отец открыл глаза.

– А ты не хочешь обратно в постельку? Может, еще поспишь?

– Нет, папа. Я хочу одеться.

– А Роза спит?

– Спит? Да это она меня и разбудила!

Мужчина нащупал на ночном столике между двумя кроватями часы, времени оказалось уже почти семь – в общем, не так уж плохо. Он вылез из-под одеяла и увидел, что все лицо мальчика как бы подмигивает, вся мрачность с него сошла и оно светится сиянием удовольствия.

– Ну ладно, пошли.

Мальчик на миг задержался, чтобы посмотреть на мать. Ее лицо пестрело веснушками – они всегда становились заметнее по утрам, волосы взлохмачены – рыжие на белизне лица, шеи и плеч, а губы чуть приоткрыты, слегка влажные, потому что во сне она всегда пускает слюнку.

– Не хочешь полежать в кровати с мамой?

– Нет, я хочу одеться.

– А Роза к маме в кровать не хочет?

– Она пытается одеваться. Надела вместо кофты на голову мои штаны.

Мальчик на сестренку немного злился, но в то же время ее поведение его забавляло. С утра они поругались: между ними порой возникали трения, всегда одни и те же, когда девочка, проснувшись, принималась донимать брата, стараясь, чтобы он ее заметил, впустил к себе в кровать, пошел с ней вместе по коридору в гостиную, хотя это и запрещено, – в общем, чтобы поскорее началась какая-то активная жизнь.

Мальчик понимал: о том, что он снова ударил сестренку, папа все равно узнает и, видимо, сделает ему по этому поводу внушение, – но папа смотрел на маму, смотрел на свою жену и чуть заметно улыбался.

Мужчина и мальчик стояли голые и совершенно одинаковые, разве что мужчина был велик, волосат и белокож, а мальчик мал, как малый камешек, а кожа у него была темнее и глаже, потому что новое подчас бывает темным и гладким, в особенности если это мужчина, родившийся заново в виде сына.

У обоих мужское достоинство слегка подтарчивало, и мужчина сказал:

– Когда ты утром встал, первым делом надо сходить пописать.

– А я уже.

– А сиденье ты поднимал?

– Я всегда поднимаю сиденье.

– Кто-то все время писает на сиденье.

– Это Роза, и она это не писает, а водой поливает. Набирает в стакан воды и льет в унитаз, и никогда сиденье не подымает. Говорит, это она писает, как я.

– Ладно, о'кей, пошли.

Когда вошли в детскую, девочка оказалась на полу между своей кроваткой и кроватью брата. Она сидела голая, если не считать его штанов, которые она пыталась надеть через голову. Вид у нее был такой же задумчивый, как когда она спит, но, увидев отца и брата, она засмеялась, вскочила и бросилась к ним.

– Привет, папочка!

Он поднял ее на руки и понес в ванную, где обтер полотенцем, смоченным теплой водой, но без мыла. Потом он сполоснул полотенце, опять намочил теплой водой, выжал и передал мальчику, который в пять секунд проделал с ним все необходимые манипуляции. Затем мужчина обтерся им сам и повел детей в их спальню.

– Так, хорошо. Стой спокойненько, Рози. Не двигайся.

– Хорошо, папочка.

– И ты тоже, Джонни. Вот так. Выпрямись. Вот, теперь оба хоть куда. Погодите, не двигайтесь. Я сейчас сам оденусь и сразу вернусь. Не двигайтесь, просто вот так по стойте и подождите.

Он оделся не более чем секунд за сорок пять. Когда вернулся в детскую, девочка снова, усевшись на пол, пыталась разобраться со штанами, а мальчик что-то искал у себя под кроватью. Оба вскочили и встали примерно в те же позы, как они стояли, когда он выходил.

– О'кей, сперва Рози. Где твои вещи, Рози?

– Вот все, что у меня есть, – сказала девочка, протягивая штаны брата.

Ее одежда оказалась разбросана по всей комнате, некоторые вещи лежали даже в кровати, но труднее всего оказалось отыскать один носок, который в конце концов нашелся в кармане злополучных штанов.

– Как он туда попал?

– Его туда Джонни засунул.

– Это не я. Это она сама.

– А еще он меня ударил.

– Ты ударил ее?

– Я не виноват.

К этому времени девочка была уже одета.

– Хорошо, Рози. Поди туда, стой, погляди в окошко, пока я одеваю Джонни.

– Папа, он ударил меня!

– Больно ударил?

– Да, папа, – тихо сказала девочка.

– Да я только так, слегка, – сказал мальчик. – Только разок ее пихнул, чтобы она не совала свой носок мне в карман.

– Мне и сейчас больно, папочка.

– Хочешь, чтобы я его отшлепал?

– Да, отшлепай его, отшлепай, отшлепай!

Отец немного подождал, и через миг она, как всегда, одумалась:

– Но только ты его, папочка, так, понарошку.

Боже правый, подумал мужчина, как же они друг друга любят!

Мальчик лег животом отцу на колени, и мужчина занялся приведением воспитательной меры в исполнение, шлепая несильно, но и не настолько слабо, чтобы всем стало неинтересно, потому что всем хотелось, чтобы каждый шлепок был явственно слышен. Отец с сыном оба при этом смеялись, а про себя отец думал: «Господи, как бы так сделать, чтобы эта девочка никогда не плакала так, как плачет ее мать, чтобы так плакать ей не приходилось, Господи, молю тебя, сделай, чтоб было так».

Девочка бросилась на мужчину, перехватила руку, которой он шлепал мальчика.

– Папа, не надо его шлепать! – сказала она. Говорила она все еще сквозь смех, но настроена была уже серьезно. – Не шлепай его. Он мой брат!

Она обняла мальчика, который смотрел на нее сверху вниз с полным безразличием, при этом всем лицом будто подмигивая, а девочка продолжала:

– Мой маленький братик. Мой ребеночек. Ну не плачь.

Мальчик повернулся и бросил взгляд на отца. Его губы слегка шевелились, потому что как тут удержаться, ну посмотри, ну опять она за свое, такая маленькая и такая хитрюга, все время провоцирует его на то, чтобы он ее бил, а потом, когда ему за это достается – причем иногда даже крепко достается, не то что сейчас, – после всего произошедшего подходит к нему и говорит: «Ах, прости меня, Джонни». И обнимает его, и говорит, мол, не плачь, причем говорит точно таким же тоном, как сейчас, когда он на самом деле вовсе и не плачет.

Мужчина быстро одел мальчика и выпустил его на задний двор, чтобы он там валял дурака и возился со всяким хламом, пока не будет готов завтрак. Лютая страсть этой парочки друг к дружке проявлялась с первой минуты, когда они оставались вдвоем, – они любили друг друга и мучили, пытаясь друг над другом доминировать, непрестанно выдумывая для этого новые способы и применяя их наряду со старыми и проверенными. Но в конце концов мальчик давал девочке тумака, та – в слезы, и вот он уже стоит, страдая от вины и просто от ее жуткого крика и визга.

Мужчина достал из миски над кухонной раковиной апельсины и принялся выжимать из них сок. Потом насыпал в тарелки овсяных хлопьев, добавил сахара и молока, позвал детей, и вот они уже здесь, поднимаются по ступенькам крыльца.

Пока дети пьют апельсиновый сок и возятся с холодной овсянкой (не столько едят, сколько балуются), он заправляет кофейник-перколятор и ставит на огонь. Потом жарит жирненькую грудинку (уж от нее-то они не откажутся!) и в кастрюльке ставит вариться яйца: иногда малыши снисходят до того, чтобы и впрямь съесть целое яйцо или даже два, как если бы действительно проголодались, но обычно они едят плохо, так что отцу с матерью приходится устраивать целые представления, в ходе которых мать уговаривает: это за маму, это за папу, это за Боженьку Иисуса, а отец рассказывает про то, как в Европе сейчас детишкам есть вообще нечего, при всем желании. Но мальчик на это всегда отвечает: «Вот и отдай им мою еду, папочка».

Что ж, всерьез воевать с ними из-за того, что они опять плохо ели, он не станет. Сам-то он, как ему вспоминается всякий раз, когда сын не желает есть, в детстве вечно ходил голодным, но старался соблюдать приличия и частенько отказывался от добавки, даже когда очень хотелось, – правда, только если за столом присутствовали чужие. Когда чужих поблизости не было, он старался съесть все, до чего мог дотянуться, а вот с сыном все по-другому. И с дочерью тоже. Нынешние дети почему-то стали очень плохо есть, думал он. Это теперь у всех так. Теперь всем, чтобы дети поели, приходится всячески заставлять их и уговаривать.

Может, дети знают, что делают, думал он.

Дети в это время лениво ковырялись ложками в каше, переливали из пустого в порожнее молоко и размокшую овсянку, – ну и пусть, черт с ним, думал он, может быть, эти игры им важнее, чем всякая паршивая еда. Может быть, если бы им кто-то сготовил кастрюлю настоящей горячей овсяной каши или чего-то еще в этом роде, они бы ее и съели, но нет, чепуха, не в том дело, потому что это он пытался, но оба настойчиво просили холодных хлопьев. Почему? Да потому, что им проще и интереснее забавляться с холодной кашей, туда-сюда переливать ее, вот почему. Прямо на его глазах девочка подняла свою тарелку и вылила из нее половину на линолеум, но он предпочел не заметить. Она вообще была на такие проделки горазда.

– О'кей, – сказал он. – Дальше у нас бекон. Это тебе, Роза. Это тебе, Джонни. И больше не получите.

– А у тебя там есть еще, – сказал Джонни.

– Это мне.

Бекон с хрустящей корочкой они умяли мгновенно, а потом мальчик говорит:

– Хочу еще!

– Это папе, – сказала девочка.

– Папа может поджарить еще. Мы же не в Европе!

Отец дал мальчику еще.

– А ты, Роза, хочешь еще?

– Нет, папочка. Это тебе. А Джонни – плохой мальчик.

– О'кей. Бери теперь яйцо.

Он облупил с одного конца яйцо и выскреб его ложкой на блюде с кусочком масла, поставил блюдо перед девочкой, а ее тарелку с остатками овсянки убрал, доев эти остатки, как и остатки овсянки из тарелки мальчика.

– Ты прямо какой-то мусорный бак, – сказал мальчик.

Это он подцепил от матери и повторял каждый раз, когда отец подъедал их объедки. Отец не обижался, и мальчик это знал.

– Нормальная, хорошая еда. Зачем выкидывать?

Мальчику он тоже дал яйцо, и дело на удивление пошло лучше, чем в последние несколько дней. Дети съели и бекон, и яйца, но все равно, к чему притворяться, едоки они аховые, три раза в день в еде лишь ковыряются. К столу со всех ног не бегут. На еду смотрят искоса и думать о ней не желают.

День, однако, начинался погожий. Утро стояло, конечно, туманное, как почти всегда в Сан-Франциско, особенно в их районе, у самого океана, но сквозь дымку уже вовсю светило и грело солнце, так что пусть себе возятся, играют во дворе.

Детей с рук сбыв, пошел, принес утреннюю газету из ящика, поставленного у железных ворот, отделяющих тротуар от дорожки, ведущей к наружной лестничной клетке, потом налил себе чашку кофе и стал просматривать новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.